

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Делается попытка доказать ключевой характер первого произведения великого русского писателя в его творческой биографии и раскрыть содержание его творческого метода, обусловленного жанровой принадлежностью «Записок охотника» и гением писателя и личности И. С. Тургенева.

Наш автор только в «Записках охотника» достигнул высшей степени своего развития и остановился на ней и остаётся уже долгое время.

Александр Дружинин, 1857 г.

Все исследователи творчества И. С. Тургенева единодушно утверждают, что как писатель на века он состоялся уже в своих «Записках охотника», которые, по словам, например Всеволода Сахарова, сразу определили его судьбу; эту удивительную, нестареющую книгу он обдумывал десятки лет, искал всю жизнь, в ней содержатся темы его зрелых сочинений [1]. Но самое примечательное, что высочайшую оценку этой книге ещё при жизни писателя и лично ему дал её главный герой – русский народ: «Кланяемся вам в знак уважения и благодарности от лица всего русского народа» [2, 27–28].

Естественно возникает вопрос: почему эти очерки и рассказы из деревенского быта, впоследствии изданные отдельной книгой с незамысловатым названием «Записки охотника», получили столь высокую оценку русских и зарубежных читателей и сразу определили столь значимое место в творческой биографии русского писателя? Ответ на этот вопрос находим в оценках современников И. С. Тургенева. Так, поэт Ф. И. Тютчев писал: «В них [“Записках охотника”] столько силы жизни и замечательной силы таланта. Редко соединялись в такой степени, в таком полном равновесии два трудно сочетаемых элемента: сочувствие человечеству и артистическое чувство. С другой стороны, не менее замечательное сочетание самой интимной реальности человеческой жизни и проникновенного понимания природы во всей её поэзии». Цит. по: [2, 26]. Исследователь Н. Богословский

поясняет: «Секрет равновесия, о котором говорит здесь Тютчев, заключался как раз в творческом методе Тургенева. В его рассказах не было гневных тирад против ужасов крепостного права, но какая-нибудь незаметно введённая в рассказ деталь заставляла читателя очень остро почувствовать и трагизм рабского положения крестьян, и моральное превосходство их над угнетателями» [2, 26]. В данной статье будет представлена попытка исследовать все очерки и рассказы «Записок охотника», чтобы убедиться в справедливости сказанного. (Как известно, в разных изданиях «Записки охотника» имеют разный объём, но мы обратились к полному собранию сочинений и писем в 30 томах и в 12 томах сочинений, где опубликованы все 25 рассказов и очерков, составивших их содержание [3].)

По жанровой принадлежности «Записки охотника» относят к физиологическим очеркам, широко распространённым в 30–40-е годы XIX века в европейской и русской литературе, для которых было характерно объективное беспристрастное описание быта и нравов типичных представителей прежде всего социальных низов общества. Однако суть творческого метода Тургенева, по нашему мнению, обусловлена жанровой принадлежностью данного произведения не столько к физиологическому очерку, сколько к очерку вообще как к литературному жанру, для которого были характерны и остаются следующие значимые признаки:

1) писание с натуры, отсутствие вымысла;

- 2) отбор типичных для описываемого черт;
- 3) преобладание в текстах описания;
- 4) особенности композиции: сюжет отсутствует или ослаблен, автор присутствует обязательно и выступает в форме первого лица [4].

Итак, характерной особенностью очерка является документальность, достоверность фактов, событий, о которых идет речь. В нём называются подлинные имена и фамилии изображаемых лиц, действительные, а не вымышленные места событий, описывается реальная обстановка, указывается время действия.

Эту жанровую особенность всецело подтверждают результаты нашего анализа, в первую очередь заглавий «Записок охотника»:

1) из 25 очерков и рассказов в 16 заголовках обозначены главные действующие лица, при этом с помощью имён собственных в 9 очерках: *Хорь и Калиныч*, *Ермолай и мельничиха*, *Мой сосед Радилов*, *Одюдворец Овсянников*, *Касьян с Красивой Мечи*, *Татьяна Борисовна и её племянник*, *Пётр Петрович Каратаев*, *Чертотуханов* и *Недопюскин*, *Конец Чертотуханова*;

2) с помощью прозвищ – в 3-х: *Бирюк* – прозвище лесника, *2. Гамлет Щигровского уезда* – прозвище Василия Васильевича, одного из героев, пожелавшего остаться неизвестным; *Живые мощи* – прозвище тяжело заболевшей дворовой Лукерьи в Спасском, имени матери Тургенева;

3) с помощью имён нарицательных – в 4-х: *Уездный лекарь*, *Бурмистр*, *Два помещика*, *Певцы*.

Как свидетельствуют материалы примечания к 3 тому, все герои тургеневских очерков были хорошо знакомы автору и выведены в его произведениях либо под своими собственными именами, например Хорь (крепостной крестьянин, высланный из общины, известен в Жиздринском и Болховском уездах [5, 448]), либо под вымышленными, например Ермолай (его прототип – крепостной Афанасий Тимофеевич Алифанов, принадлежавший одному из соседей Тургенева, которого писатель впоследствии выкупил и отпустил на волю [5, 452]). Заслуживает внимания история незавершённого рассказа под названием «Незадача» о трагической гибели дворового человека И. С. Тургенева Игнатия, который был великолепным охотником и всегда сопровождал своего хозяина. Ужасная смерть любимого доезжего настолько потрясла писателя, что задуманный им рассказ о нём так и не появился, зато, как пишет в своих воспоминаниях неточно обозначенное лицо С<вистунов?>а М. П., этот несчастный случай вдохновил его писать очерки из крестьянской жизни, которые и сделали имя Тургенева знаменем европейского прогресса на Руси, которую он будил от векового сна своими гениальными произведениями. (Цит. по: [5, 359]).

В 4-х очерках обозначено реальное место действия: 1. *Малиновая вода* – название родника, впадает в р. Исту в Арсеньевском; 2. *Льгов* – село в бывшей Орловской губернии; 3. *Бежин луг* – расположен в 13 км от Спасского-Лутовинова, у р. Снежедь, в Черном районе Тульской области; 4. *Лебедянь* – небольшой город в бывшей Тамбовской губернии, где проходили ярмарки и скачки лошадей.

Лишь 5 очерков имеют не связанные между собой названия: 1. *Контора*, 2. *Смерть*, 3. *Свидание*, 4. *Стучит!*, 5. *Лес и степь*. Последний очерк с абсолютно нейтральным заголовком завершает «Записки охотника», являясь, по сути, гимном природе среднерусской полосы.

Интересны факты о работе писателя над названи-

ями своих очерков. Сравнение некоторых первоначальных вариантов с окончательными убеждают в том, что Тургенев сознательно подбирал такие, в которых не было и намёка на какие-либо коннотации, например: первоначально «Бедное семейство» и окончательно – «Уездный лекарь»; «Бар<ин?>ство» и «Два помещика» [5, 376]; «Касьян Блоха» и «Касьян с Красивой Мечи» [5, 466] и др.

Преобладающее большинство главных героев в «Записках охотника» – это представители русского народа, что писатель часто подчёркивал, но цензура намеренно убирала из текстов определение «русский», тем более там, где герои из народа, как, например в «Певцах», противопоставлялись высшему сословию. Мощная антикрепостническая направленность «Записок охотника» заключается, прежде всего в величайшей любви и глубочайшем уважении русского писателя к своему народу, которые он воплотил на страницах своих рассказов и очерков и которые смог почувствовать и сам народ, и российская власть. Сила русского характера, которая всегда проявляется в пограничных ситуациях, в данном случае перед смертью, необычайно глубоко и проникновенно показана в рассказах «Живые мощи» и «Смерть». Перевод первого рассказа на французский язык получил высочайшую оценку французских писателей и критиков. Так, Жорж Санд заявила: «Мы все должны пройти у Вас школу». А в хвалебном отзыве И. Тэна восхищённо сказано: «...какой шедевр! Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это делает явным для нас, что наши источники иссякли! Какая жалость для нас, что вы не француз!». Цит. по: [5, 514].

Уже в первом очерке сборника «Хорь и Калиныч» главные герои представлены как два народных типа, два русских характера – практичный Хорь, тяготеющий к лесу, и романтический Калиныч с пристрастием к широким вольным степям. Несмотря на их разное материальное положение, оба уверенно и достойно, без раболепства, живут на земле. Изображая народных героев, пишет Ю. В. Лебедев, Тургенев выходит за пределы «частных» индивидуальностей к общенациональным силам и стихиям жизни. Характеры Хоря и Калиныча, как два полюса магнита, начинают притягивать к себе всех последующих, живых героев книги. Одни из них тяготеют к поэтичному, душевно-мягкому Калинычу, другие – к деловому и практичному Хорю. Устойчивые, повторяющиеся черты героев проявляются даже в портретных характеристиках: внешний облик Калиныча переключается с портретом Стёпушки и Касьяна [6].

Однако образ «живой» России в социальном отношении не однороден. Есть целая группа дворян, наделённых национально-русскими чертами характера. Таковы, например, мелкопоместные дворяне типа Петра Петровича Каратаева или одюдворцы, среди которых выделяется Овсянников. Живые силы нации Тургенев находит и в кругу образованного дворянства. Василий Васильевич, который скрывается за прозвищем Гамлет Щигровского уезда, подчёркивая свою типичность («Таких Гамлетов во всяком уезде много» [3, 273]), мучительно переживает свою беспочвенность, свой отрыв от России, от народа. Он с горечью говорит о том, как полученное им философское образование превращает его в умную ненужность. Из «Записок охотника» становится очевидным, что крепостное право враждебно как человеческому достоинству мужика, так и нравственной природе дворянина, что это общенациональное зло, пагубно влияющее на жизнь того и

другого сословия. Поэтому живые силы нации писатель ищет и в крестьянской, и в дворянской среде. Любуясь деловитостью или поэтической одаренностью русского человека, Тургенев ведет читателя к мысли, что в борьбе с общенациональным врагом должна принять участие вся «живая» Россия, не только крестьянская, но и дворянская [6].

Особенностью очерковых произведений является преобладание описания над сюжетом и своих главных любимых героев, например в рассказах «Хорь и Калиныч», «Ермолай и мельничиха», «Бежин луг», «Касьян с Красивой Мечи», «Бирюк», «Певцы», «Свидание», «Живые мощи», и описания русской природы, в которую писатель влюблен так же глубоко и навсегда, как и в русский народ. Автор пейзажных шедевров смог создать их потому, что вырос среди этих живых картин, проникся их поэзией с раннего детства, сросся с жизнью пернатых, приобщился к охоте. Природа была тем миром, в котором господствовали гармония и свобода и который помогал мальчику переносить тяготы жизни взрослых. Неслучайно из-под пера будущего гениального писателя сначала полились поэтические строки, посвященные, в том числе, и русской природе:

... И понемногу начало назад
Его тянуть: в деревню, в тёмный сад,
Где липы так огромны, так тенисты,
И ландыши так девственно душисты,
Где круглые ракиты над водой,
С плотины наклонились чередой,
Где тучный дуб растёт над тучной нивой,
Где пахнет конопелью да крапивой...
Туда, туда, в раздольные поля,
Где бархатом чернеет земля,
Где рожь, куда ни кинете вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами,
И падает тяжёлый, жёлтый луч
Из-за прозрачных белых круглых туч;
Там хорошо...
(Из поэмы, преданной сожжению)

Эти строки стали эпиграфом к заключительному рассказу в «Записках охотника», которые отмечены критиком Аполлоном Григорьевым, современником Тургенева, как «три превосходные страницы описательной поэзии», проникнутые «истинно поэтической симпатией к природе» [цит. по: [5, 519]. Однако конкретные картины природы среднерусского черноземья присутствуют практически в каждом очерке и рассказе, потому что природа, действительно, второй, равно-

правный с человеком герой «Записок охотника». Это обусловлено, как пишет Эдуард Бабаев в «Литературном журнале», и своеобразием крестьянского бытия, и собственно тургеневской философией природы. Для тургеневских крестьян природа – явление живое и поэтому родственное, но живущее своей свободно-самодельной жизнью. Её мир (и каждая частица) неисчерпаем и смыкается с космосом и Божеством [7]. И для Тургенева природа – не мастерская, как для его героя Базарова, а храм – величественный, манящий к себе, таинственный, непостижимый.

Несомненным преимуществом очерка как жанра является обязательное присутствие автора-рассказчика, который выступает в форме первого лица. Однако это не публицистические, а художественные очерки, где автор «Записок» ассоциируется с образом запряженного охотника-барина, хорошо известного на всю округу, от лица которого и ведётся повествование. Такая форма повествования дала возможность рассказчику быть вместе со своими героями, представлять их максимально полно, устанавливая непосредственные отношения между ними, бывать с ними в различных ситуациях, выражать своё отношение к ним.

Рассказчик как сквозной образ «Записок охотника» не менее интересен и талантлив своих героев. Он многих знает лично, быстро сходится с незнакомыми людьми и завоевывает расположение самых сложных собеседников – детей из рассказа «Бежин луга». Манера повествования автора-рассказчика спокойная, без нажима. Он, как художник, действует изобразительными средствами, а не пояснениями. Дело писателя – создавать образ, воздерживаясь от объяснений, от навязывания читателю своих мнений и выводов, утверждал И. С. Тургенев. Тенденция сопряжена со слабостью техники, она – признак творческой незрелости. Это – работа суровой ниткой. Когда автор сам чувствует, что он не сумел убедить образом, он спешит разъяснить, что должен был означать его образ. Цит. по: [2, 25]. Из этих слов великого русского писателя становится понятным и смысл его творческого метода, и залог его творческого бессмертия, и непреходящий интерес к «Запискам охотника», в которых Тургенев состоялся как гениальный писатель с его любовью и уважением к трём его главным героям – русскому народу, самому странному, по его словам, и самому удивительному народу, какой только есть на свете [1], русской природе и русскому языку.

Литература

1. Сахаров, Всеволод. Народ: от поэзии к правде. Ещё о «Записках охотника» И. С. Тургенева / В. Сахаров [Эл. ресурс]. – Режим доступа: www.turgenev.org.ru. – Дата доступа 15. 12. 2012.
2. Богословский, Н. Начало пути: вступ. статья / Н. Богословский // И. С. Тургенев. Записки охотника. – М.: Детская литература, 1968. – 253 с.
3. Тургенев, И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев // Сочинения в 12 т. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1979. – Т. 3. – С. 7–361.
4. Литературная энциклопедия [Эл. ресурс]. – Режим доступа: www.feb-web.ru/feb/litenc/encyclolp/le8/le8-3812.htm. – Дата доступа 17.02.2013.
5. Приложения и примечания / И. С. Тургенев // Сочинения в 12 т. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1979. – Т. 3. – С. 371 – 522.
6. Лебедев, Ю. В. «Записки охотника» / Ю. В. Лебедев [Эл. ресурс]. – Режим доступа. – www.turgenev.org.ru/e.../prihod_i_vchnoeb.htm... – Дата доступа 21. 02. 2013.
7. Бабаев, Эдуард. В мире природы и человечества («Записки охотника» И. С. Тургенева) / Э. Бабаев [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://megalib.com/home/36-obzory/57-perechitaem-zanovo.html>. – Дата доступа 22. 02. 2013.